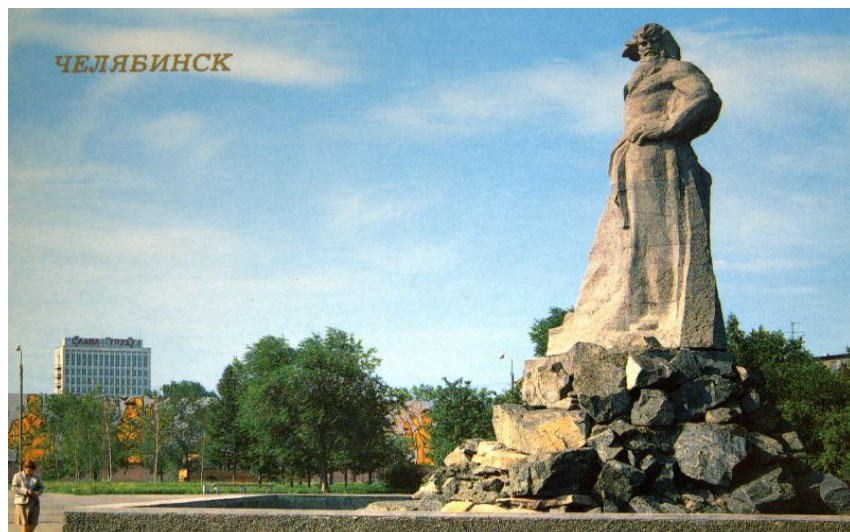
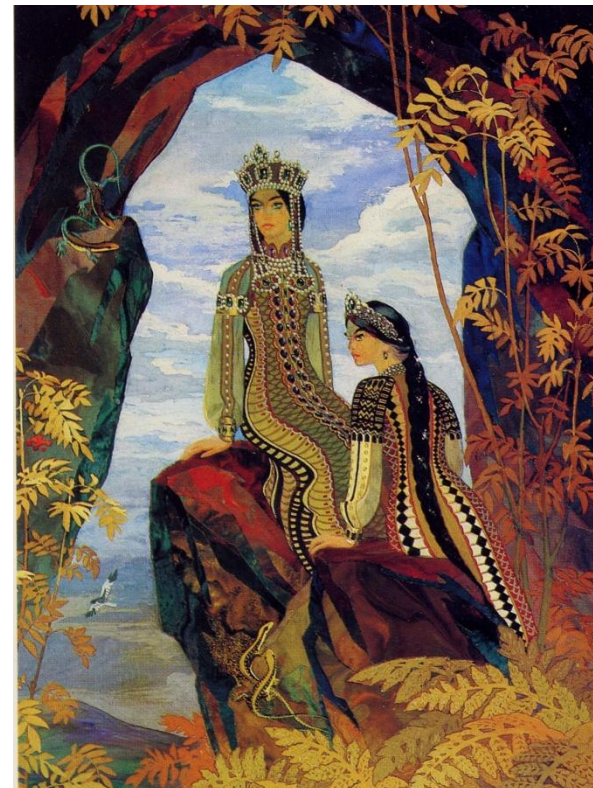
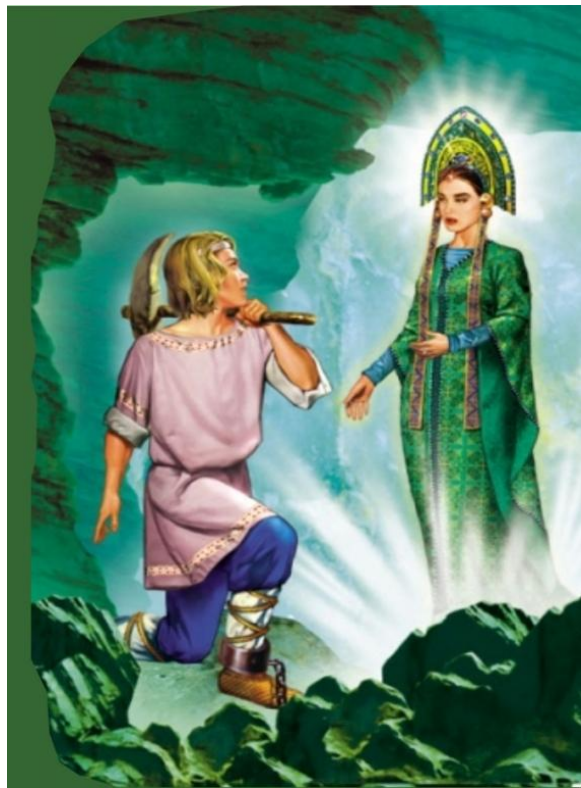

Урок
по теме

«Легенды и сказы Южного Урала»

**«Урал! Опорный край
державы, его добытчик и
кузнец. Ровесник древней
нашей славы и славы
нынешней творец»
(А. Твардовский)**

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА РОССИИ

Название «Урал» знакомо каждому. От Карского моря до степей Казахстана более чем на 2000 км протянулись горы. Урал – место смыкания Европы и Азии. В древности Уральские горы именовали «поясом».

Мировую славу Уралу принесли его минеральные ресурсы. Здесь обнаружено более 5 тыс. минералов.

«Живу я в глубине России»

Живу я в глубине России
В краю озёр и рудных скал.
Здесь реки- сини, горы -сини
И в синих отсветах металл.
Милы и дороги до боли,
Да так, что глаз не оторвать,
Мне брови лиственниц собольи
И сосен царственная статья.
Тайга, тайга...
Берёт отсюда
Начало изумрудный цвет.
А зеленее изумруда
Ни дерева,
Ни камня нет!

По красоте, по скрытой силе
Мне не с чем мой Урал сравнить
Иной здесь видится Россия,
Суровой, строже, может быть.
А может здесь она моложе...
Свежей тут времени рубеж.
Но сердце русское – всё то же,
И доброта и песни те ж!
И лица те же, что в Рязани.
И так же звучны имена.
Как солнце в драгоценной грани
В Урале Русь отражена.

Л.К.Татьяничева

На разных этапах развития России Урал поставлял стране: пушнину, соль, металлы, поделочные камни, оружие, трактора – всего и не перечесать!

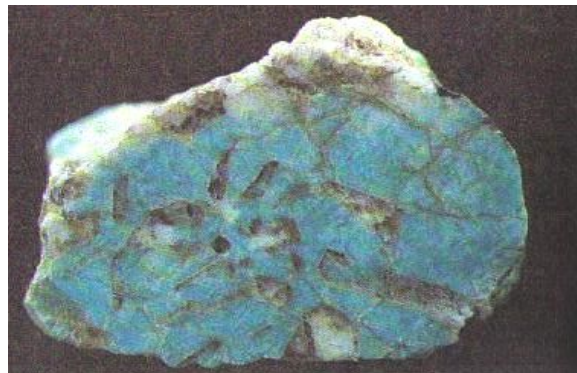
Сказ об Урале

В образе былинного богатыря с кувалдой в руке воплотил скульптор В. С. Зайков родной Урал.

Сколько силы и мощи у этого богатыря!

Как он суров и величествен!

В этом образе – легенде – лицо сегодняшнего Урала.

Впервые известность к Уральским Ильменам пришла в 1777 году. В это время заработал миасский медеплавильный завод. Он – то и вызвал усиленные поиски руд. На восточном склоне Ильменских гор начались разработки белой слюды. А немного позже казак Чебаркульской крепости Прутов, искавший слюду, нашел ...топазы. Прознав о его находке, в Ильмены за самоцветами потянулись горщики. Далеко по белу свету разлетелась слава о Ильменских горах...

Подарила земля уральская людям камни дивные свои: самоцветы, рубины, топазы, удивила людей малахитом, яшмой, мрамором, горным хрусталём.

Здесь умельцы раскрыли всему миру невиданную красоту камня и научились из него делать изделия разные: вазы и чаши, ларцы и шкатулки, бусы, серьги и другие удивительные поделки.

«Уральские сказы, что камешки в горе. Один копнешь — на целый занорыш наткнешься, — и такой, что цены ему не будет».

Предания и легенды о Земле Уральской, о тайнах ее, о силе ее, об освоении ее людьми переходили из поколения в поколение, обрастая элементами художественного вымысла. И тем не менее познавательное значение старинных народных преданий трудно переоценить. Зачастую они содержат без преувеличения бесценные сведения, освещающие историю нашего края светом всечеловеческой мудрости.

Любой настоящий, живой, из сердца человеческого излившийся текст — как драгоценный камень. С какой стороны на него посмотришь, подарив светом внимания, — той гранью и засверкает, откликнется. Так и с уральскими сказаниями.

Самый верхний их пласт — документально-бытовой, повествующий о сравнительно недавнем прошлом горно-заводского края. Здесь встают перед нами последние три века уральской истории: развитие заводов и ремесел, становление нового жизненного уклада, новых социальных отношений. Все здесь очень просто и все проникнуто трагедией, утратой. Стремительно растут заводы, крестьяне-переселенцы из европейской России, пришедшие на Урал в поисках вольной жизни, превращаются в заложников нового социума. Возникает новое, рабочее сословие, подчиненное прослойке горнозаводчиков; и эти работные люди, в душах которых еще живо известное любому крестьянину чувство благоговения перед Землей-матушкой, землей-кормилицей, оказываются пленниками новой действительности, нового времени. Это время технического прогресса, время погони за сверхприбылью, время, в котором отдельный человек — будь он хоть трижды мастер и мудрец, мало что значит. Это время, испытывающее на прочность человеческую душу: предаст ли она свои истоки, отречется от Земли, дарующей силу, — или выберет страдание, даже смерть, но не уступит, не пойдет легкой дорогой наживы. Такова внешняя интрига многих уральских сказов, будь то сказы Бажова, или же его талантливых последователей, таких как Серафима Власова, Юрий Подкорытов, Сергей Черепанов и другие. Прочитайте в этой книге, скажем, сказы «Герцогиня Акуля», «Алмазная спичка», и вы поймете, о чем речь.

Следующий пласт тоже несет печать недавней истории, но больше в нем архаической силы, слабее дыхание новейшей эпохи. В центре его — народные герои. Те, чьи имена сохранила история: такие, как Салават Юлаев, Емельян Пугачев. Их образы наделяют народные сказители силой и мудростью, они отважны и справедливы. Настоящие сыны своих народов, именно они удостоены чести общаться с посланцами из прошлого, как это происходит в сказании «Старых гор подаренье», где таинственный вершник вручает Салавату удивительной красоты и силы шашку («другой такой на свете быть не может») — а сам на глазах у всего войска Салаватова растворяется среди гор. Не простая это шашка. «Коли на себя потянешь (то есть будешь народом руководить эгоистично, не по справедливости. — Ред.), потеряет шашка силу, а если будешь заботиться обо всем народе, без различья роду-племени, родных-знакомых, никто против тебя не устоит в бою» — говорит таинственный посланец. Здесь встает в народных преданиях и легендах тема ответственности вождя за свой народ, шире — тема выбора народом своего пути. Ведь по-видимости выбирает вождя, и люди идут за ним, а в реальности, может быть, вождя только проявляет, делает явным тот выбор, что народ совершил в душе своей. И встает здесь еще одна тема, наиважнейшая — тема истоков народной души, народного характера, тема судьбы народной.

Чем глубже в прошлое, тем универсальнее сюжеты сказов, тем более целостны характеры их героев. Ничего случайного не остается в их образах. Вот стремящаяся спасти от тирана свой народ отважная Уреньга; вот Иванко Тяжелая Ступня (сказ «Глядень-гора»), воин и мудрец, которому ведомо сердце человеческое, и сила его и бездны искушающие; вот красавица Агидель, вернувшая людям воду, — все они беззаветно преданы своему народу, все они сильны силою родной земли и без нее жить не смогут. Герои этих легенд — в каком-то смысле уже не люди, они гораздо более целостны, они не знают сомнений, идут до конца, и ничто не в силах свернуть их с пути. Они очень напоминают в этом стихии, духов местности: лесов, гор, водоемов.

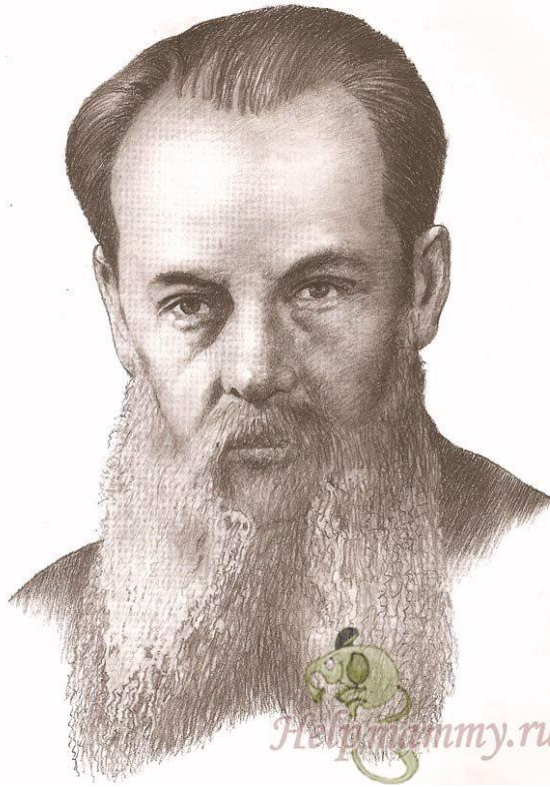
Предки наши были много мудрее, не умом препарировали они мир, но внимали ему открытым сердцем. Природа — вот все, что было у них. Она давала им жизнь, еду и приют, она раскрывала им через малое великие тайны, тайны космического масштаба, она принимала их души, упокаивала тела, когда наступал час кончины. Удивительно ли, что видели они то, что сегодня мы не видим, слышали то, что сегодня мы не слышим? Старинные предания сохранили это недоступное большинству из нас знание, — знание, которое мы принимаем за красивый вымысел, за поэтичную сказку.

Народ прежде знал, что у каждой горы, у каждого озера, как у человека, — свой характер. Что каждое место на Уральской земле связано с другими, что все пространство вокруг — живое, оно дышит, меняется, оно только кажется неизменным. Не помолишься, не попросишь у ветра помощи, не принесешь жертву — и не будет тебе удачи. Сорвешь в лесу больше ягод, чем требуется, убьешь больше дичи — и еще неизвестно, отпустит ли лес тебя назад, а если отпустит, то будет ли милостив завтра. Поэтому немудрено, что и названия мест (топонимы, как сегодня говорят ученые) не просто так возникали, не из головы изобретали их наши предки — у природы подслушивали, в сердце вынашивали. Гору назвать — не улицу, в сердце выносить надо имя, родить его, как мать ребенка рождает.

Уральские писатели

БАЖОВ Павел Петрович

(1879–1950)

Автор знаменитой «Малахитовой шкатулки» родился не на Южном Урале, а в поселке Сысертского завода близ Екатеринбурга в семье потомственных горнозаводских мастеров. Семья часто переезжала с завода на завод, что позволило будущему писателю хорошо узнать жизнь обширного горного округа. Бажов учился в Екатеринбургском духовном училище (1889–1893), затем в Пермской духовной семинарии (1893–1899). До 1917 года работал школьным учителем в Екатеринбурге и Камышлове. Каждый год во время летних каникул путешествовал по Уралу, собирал фольклор.

Во время Гражданской войны вступил добровольцем в Красную Армию и принимал участие в боевых операциях на Уральском фронте. Работал журналистом в дивизионной газете «Окопная правда», в камышловской газете «Красный путь», а с 1923 года по 1930 год — в редакции свердловской «Крестьянской газеты». Его первая книга «Уральские были» вышла в свет в 1924 году.

В стремлении выработать собственный литературный стиль, Бажов искал оригинальные формы воплощения своего писательского дарования. Это удалось ему к середине 1930-х годов, когда он начал публиковать свои первые сказы. В 1939 году издана его самая знаменитая книга — «Малахитовая шкатулка», которая многое изменила в жизни самого Павла Петровича и открыла миру Урал во всем его величии и красоте. Сказы были так хороши, что эту книгу послали на международную выставку в Нью-Йорк.

Именно как создатель сказов Бажов и вошел в большую литературу. Кроме того, в последние годы жизни он редактировал книги и альманахи, в том числе по уральскому краеведению, возглавлял Свердловскую писательскую организацию, был главным редактором и директором Уральского книжного издательства.

Умер Бажов в Москве 3 декабря 1950 года.

С 1993 года в Челябинской области каждое лето проводятся Бажовские фестивали.

Евгений Андреевич Виссов (псевдоним Пермьяк)

(1902–1982)

Родился 31 октября 1902 года в Перми. Здесь, на Урале, он хорошо узнал жизнь простых людей, слышал живой и выразительный народный язык.

В детстве и юности Е. Пермьяк с матерью часто ездил по городам и поселкам Урала и близко познакомился с жизнью мастеровых людей. Еще мальчиком он полюбил ремесла и активно их осваивал. Топор и пила, рубанок и молоток стали его верными друзьями.

Позднее, на исходе Гражданской войны, Е. Пермьяк едет в Сибирь, в Кулундинские степи. Здесь он учится пахать, сеять, убирать урожай.

Но больше всего его тянет к литературе. Окончив в 1930 году педагогический факультет Пермского университета, он переезжает в Москву и начинает свою писательскую карьеру в качестве драматурга. Его пьесы «Лес шумит» и «Пережат» шли практически во всех театрах страны.

В годы Великой Отечественной войны Пермьяк вместе с московскими литераторами находился в Свердловске. В это время он очень подружился с Павлом Петровичем Бажовым, помогал ему руководить местной писательской организацией. По книгам П. П. Бажова Евгений Андреевич написал пьесы «Ермаковы лебеди», «Серебряное копытце». Впоследствии Пермьяк посвятил Бажову книгу «Долговский мастер».

«Выходец из коренной уральской среды, Евгений Пермьяк принес в литературу свой опыт, свою трудовую биографию, во многом определившую творческую самобытность писателя. Ему не нужно было выдумывать героев. Его книги населены живыми людьми, выхваченными из самой жизни. Они прошли через сердце писателя, наделены его радостями и болями, живут в труде и борьбе, не кичатся подвигом и не ищут легкой доли», — писал московский публицист, писатель Виктор Гура. Всю свою жизнь Евгений Пермьяк посвятил поискам «тайны цены» человеческого труда. Почти все книги писателя о людях-тружениках, мастерах своего дела, об их таланте, творческом поиске, духовном богатстве. И всегда во всех произведениях Евгения Пермьяка «поет» живое народное слово.

ЧЕРЕПАНОВ Сергей Иванович

(1908–1993)

Сергей Иванович Черепанов — коренной уралец, родился в 1908 году в селе Сугояк Челябинской области в крестьянской семье. С 16 лет начал работать: сначала избачом в селе, потом в аппарате Бродокалмакского райкома ВКП(б), позже селькором газеты «Челябинский рабочий».

В 1928 году он переехал в Челябинск и в этом же году опубликовал в газете «Челябинский рабочий» свой первый рассказ «Иванов сурок». Летом 1930 года был направлен горкомом ВКП(б) на строительство ЧТЗ, где принял участие в создании многотиражной газеты «Наш трактор», в которой работал до 1936 года.

В 1930 году Черепанов организовал литературный кружок ЧТЗ, которым и руководил. Заочно окончил УрГУ. В годы культа личности Сталина был репрессирован. После реабилитации в 1957-м вернулся в Челябинск. С этого времени и начинается наиболее плодотворный для Черепанова период его литературной и журналистской деятельности.

В читательских кругах Сергей Черепанов известен как продолжатель литературных традиций П. П. Бажова. Его сказы и сказки составили сборники «Лебедь-камень» (1959), «Снежный колос», «Озеро синих гагар».

Кроме того, перу автора принадлежат крупные прозаические произведения, в том числе романы «Богатство», «Помоги себе сам». Черепанов также проявил себя как мастер художественного очерка.

Известный советский писатель Е. Пермяк высоко оценивал сказы Черепанова. Он писал: «Среди последователей П. Бажова С. Черепанов может быть поставлен на одно из первых мест по выразительности своей стилистики и по тонкости чувства сказочного, то есть по умению слить картины быта определенной исторической эпохи и фантастику».

ПОДКОРЫТОВ Юрий Георгиевич

(1934–1989)

Юрий Георгиевич Подкорытов родился в 1934 году в городе Челябинске, в рабочей семье, имеющей казацкие корни. Его школьные годы прошли в городе Пласте. Там он окончил школу-семилетку. Не случайно позже писатель иногда подписывал свои произведения псевдонимом Ю. Пластов.

В 16 лет Юрий Подкорытов был принят учеником токаря на Челябинский тракторный завод (ЧТЗ). После службы в армии вернулся на завод, закончил вечернюю школу, занимался в заводском литобъединении, пробовал себя в поэзии, сатире, в жанре детской сказки.

В 1962 году ушел с ЧТЗ, несколько лет работал звукотехником в драматическом театре, театре кукол. С 1967 года — редактор на Челябинском телевидении, пишет сценарии для детских передач. С 1973 года — корреспондент и литсотрудник газеты «Вечерний Челябинск». С 1985-го — заместитель ответственного секретаря газеты «Челябинская неделя». В «Вечернем Челябинске» Подкорытов создал первую специальную детскую страницу «Терем-Теремок», где печатал произведения челябинских писателей и первые литературные опыты детей.

Юрий Георгиевич Подкорытов внес значительный вклад в литературу нашего края. Он был прирожденным детским писателем, недаром его называли «Добрый сказочником», «Дедом Куделькой» (по имени героя нескольких его произведений).

В 1960 году вышли его первые детские книги, выпущенные Южно-Уральским издательством: «Сказки весенних капель» и «Скворец — серебряное горлышко». А всего его перу принадлежат 12 детских книг общим тиражом более двух миллионов экземпляров. Среди них: «Веселая артелька» (1963), «Дед Куделька и Огонь Великан» (1967), «Сказки о ремесле» (1975), «Шахта под солнцем», «Сестра стальных великанов» (1976), «Сказки из старинной шкатулки» (1980) и другие.

«К сожалению, не все написанное Юрием Георгиевичем вошло в его книги, — пишет известный в Челябинске библиотечарь Н. А. Капитонова. — Те, кто в свое время читал его произведения в периодике, не могли не заметить прелести его «маленьких рассказов о природе», «этюдov на опавших листьях»...

Юрий Георгиевич считал себя учеником П. П. Бажова. Действительно, в его книгах о мастерах и мастерстве очень заметное место занимают сказы, легенды. Легенды и сказы коренных народов Южного Урала очень интересовали Юрия Георгиевича. В частности, он хорошо знал башкирское народное творчество, что нашло особое отражение в его книге «Сказки из старинной шкатулки». В ней собраны сказки и легенды о возникновении названий уральских деревень и поселков, гор и рек.

ВЛАСОВА Серафима Константиновна

(1901–1972)

Серафима Константиновна Власова родилась в 1901 году в Томске.

В 1920 году вышла замуж и уехала на Верх-Исетский завод под Екатеринбургом. Здесь начала она свой многолетний педагогический труд.

Долгое время она жила в городе Сысерть — на родине Бажова, где впервые услышала таинственные истории о Хозяйке Медной горы, о подземных уральских сокровищах, о славном и таинственном прошлом Уральского края...

С 1952 года Серафима Константиновна жила в Челябинске. Писать она начала поздно, уже после выхода на пенсию. Первая книга («Уральские сказы») увидела свет в 1957 году. В 1965 году Серафима Константиновна стала членом Союза писателей СССР. «Чтобы писать сказы, — говорила она, — надо хорошо знать народ, его поэзию, безгранично любить свой край».

ГРЕБЕНЬКОВ Юрий Киприянович

(1937–1995)

Юрий Гребеньков — талантливый поэт, прозаик, создатель многих литературных сказов — жил и работал в городе Кыштыме Челябинской области. Первый опубликованный сказ этого автора — «Тайна горы Сугомак» — дал название и его первому сборнику, выпущенному в 1980 году Южно-Уральским книжным издательством. Позже эта книга была представлена на книжной ярмарке в Мюнхене и получила там высокую оценку.

КУШТУМ Николай Алексеевич

(1906–1970)

Николай Куштум родился в деревне Куштумга Златоустовского уезда. В середине 20-х годов организовал в Златоусте литературное объединение «Мартен». Печататься начал с 1929 года.

Поэт и прозаик, член Союза писателей СССР с 1934 года.

С 1951 года работал в Средне-Уральском книжном издательстве.

Было это в давние - предавние времена. Уже обживали люди берега славного Байкала. А вода в нем была холодная и прозрачная, Широко оно раскинулось.

Жил на берегу озера прекрасный юноша. Звали его Тур. Парень он был удалой. Лицом видный, глазами добрый и до дела всякого охочий. Крепко любил он свой край и озеро синее. Пролетело время, и решил смелый юноша отправиться в путь. Посмотреть на земли дальние, на красоты их взглянуть. Долго ходил Тур по белу свету. В разных местах побывал...

Как ни хороши чужие края, а заскучал юноша по родному дому. И отправился Тур обратно в родную сторонку. Возвращался он домой. И пролегла его дорожка через Уральские горы. Шел Тур по долине гор зеленых, смотрел кругом и дивился – родное все было вокруг: деревья те же – сосны, лиственницы, березы; солнце также тепло и ласково греет, небо синее. Все родину напоминает.

Много пересек он рек и ущелий, и вот в одном из них встретил Тур девушку. Сидела она на камне у огромной скалы и плакала. Юноше стало жаль ее. Подошел он и спросил: «Как зовут тебя?» Девушка поняла лицо, и Тур увидел, как она была прекрасна, только глаза ее были печальны. Произнесла девушка имя свое, полетело оно высоко в горы и там отозвалось многократным эхом. «Гояк!» - прокричали горы. Девушка понравилась Туру, и решил он сделать все для нее, только бы высохли ее слезы, только бы она улыбнулась. Стал он расспрашивать девушку, и Гояк поведала ему: «Когда-то я были весела и счастлива. Но злая колдунья, позавидовав моей молодости и здоровью, лишила меня зрения. И прозреют мои глаза только тогда, когда умоюсь я водой чистой и прозрачной, как слеза».

Знал Тур, где есть такая вода. Поспешил к родному озеру. Торопился, много дней шел Тур. И вот он Байкал – голубая чаша с водой, которой нет чище и светлей во всем свете. Зачерпнул юноша полные ладони байкальской сини и поспешил к девушке, не останавливался ни на минуту. Нес Тур воду, которая должна была вернуть девушке зрение и счастье. Берег он воду. Осторожно нес ее.

Вот и знакомые горы, то самое ущелье. Умылась девушка водой. И высохли слезы, прозрели глаза. Ушла печаль. Зазвучал в горах ее смех. Навсегда остались вместе Тур и Гояк.

А когда девушка умывалась байкальской водой, упала одна капля на землю. И в том месте, где когда-то плакала Гояк, образовалось новое озеро с такой же холодной и чистой водой, какую принес Тур из Байкала для своей любимой. Люди назвали его Тургояк – в память о славном юноше Туре и красавице Гояк. И еще называют Тургояк младшим братом Байкала.

Тургояк

- *Тур* – славный юноша, родившийся на берегу озера Байкал.
- *Гояк* – прекрасная девушка, которую вылечил Тур водой, принесенной из озера Байкал.

Легенда о ТАГАНАЕ.

«Говорят, в давние – предавние времена на месте нашего края совсем пустынно было – ковыль седой да полынь пахучая. Только ветер с волками на перегонки бегал да пески зазывал.

В местах этих жил человек один, Таганаем его звали. Трех сыновей имел. Ишимбай, Сарбай и Селямбай – так их звали.

А было у старика Таганая богатства видимо-невидимо. Камешки дорогие, денежки золотые, медные да серебряные – сундуки полнехонькие в потаенном месте запрятаны. Но больше всего дорожил Таганай саблей своей. Не простая была сабля – из метала волшебного, булата. Взмахнет Таганай саблей – ковыль голову седую к земле клонит, у недоброго человека душа от страха захолонет. И еще говорили: будто кто булат имеет – секретом долгой жизни владеет.

Вот и позавидовал этому леший Шурале. Жил он возле поганого болотца, добрых людей в трясину заводил, слушал комариное пение, до которого охотником великим был, да все придумывал: старший сын Таганая жадноват, спит и видит доброе отцовское за собой. Вот и подговорил его Шурале:

- Старый стал ваш отец. Зачем ему такие сокровища?

Поделите с братьями поровну. Я вам место покажу, где сундуки Таганаевы схоронены, а вы мне сабельку его отдадите. Ишимбай согласился. Украл он у отца саблю булатную, отдал Шурале.

Пошли за богатством. А Сарбай за ними следит. Открыл Ишимбай сундук отцовский – глаза разбежались. Ишимбай горстями гребет, камешки дорогие да монеты в узел насыпает. Тут и Сарбай подскочил.

- Мне половину! – кричит. Тоже узлы вяжет. Железки разные и те прихватил.

Шурале радуется: сыновей с отцом поссорил. Да радость недолгой была. Таганай как раз с охоты возвращался, сердцем чувствует – неладно. Огрел коня нагайкой, налетел степным беркутом на Шурале. Леший от страха в болотце свое – бултых! Таганай погнался за сыновьями, наказать решил.

А Ишимбаю с узлами бежать трудно, пот градом льет, камешки дорогие нет- нет да и выпадают. Где изумруд падет – лес зеленый поднимается, где бирюза – озеро голубое засверкает.

Слышит Ишимбай горячий топот коня отцовского. Куда деваться? Побросал узлы – на том месте горы выросли. А Ишимбай от стыда сквозь землю провалился. Рассказывают люди – по сей день, находят в земле черную Ишимбаеву кровь. Нефтью зовут.

А Сарбай тоже жадности непомерной был. Бежит задыхается, а добро из рук не выпускает. Так в степях зауральских и дух испустил.

Взмахнул Таганай булатом, голубым огнем вспыхнула сабля и пропала. От обиды за неблагодарных сыновей окаменел Таганай, в гору превратился. Да такую высокую, что по ночам луна у него на каменном плече отдыхает. Так и говорят все: Таганай – подставка луны.

А младший, Селямбай?

Остался Селямбай один – одиношенек. Пошел он куда глаза глядят. День шел, ночь шел. Остановился на берегу глубокой реки Миасс. Жилье себе построил, стал зверя бить, хлеб растить. Место это бойким оказалось. Хозяин, селямбай, приветлив. Потянулись к нему люди.

Старики говорят: оттого, мол, это место Селябой прозвали, Челябой. А кто и по - другому говорит, сказки всяк по – своему рассказывает...»

Таганай

Таганай

- Башкирско-татарское слово:
 - «таган» - подставка, опора;
 - «ай» - Луна.
-
- «Таганай» - «Подставка Луны»

Как звали младшего сына Таганая?

- **Младший сын Таганая – Селямбай.**
- **Что произошло с ним?**
- «Остался Селямбай один – одинешенек. Пошел он куда глаза глядят. Остановился на берегу глубокой реки Миасс. Жилье построил, стал зверя бить, хлеб растить. Место это бойким оказалось. Хозяин, Селямбай, приветлив. Потянулись к нему люди.

Что же случилось со стариком Таганаем?

- От обиды за неблагодарных сыновей окаменел Таганай. В гору превратился. Да такую высокую, что по ночам Луна у него на каменном плече отдыхает. Так и говорят все:

«Таганай» - подставка для Луны.

Легенда об озере ЗЮРАТКУЛЬ Юрий Подкорытов

Давным-давно жило на берегах маленького горного озера племя охотников и рыболовов. Один случай пошатнул вековые устои племени.

Родилась в этом племени девочка. Повзрослела и вдруг превратилась в девушку невиданной красоты. Многие охотники хотели взять Амину себе в жены. Даже сам вождь племени, Великий Повелитель гор, могучий богатырь Таганай, который держал на своих плечах ночное солнце – Луну, и тот добивался любви Амины. Но сердце девушки тянулось только к молодому, отважному охотнику Акбулату. Он тоже любил ее и считался первым женихом.

Однажды охотники ушли в горы. Тоскуя по Акбулату, Амимна пришла на берег озера и спустилась к воде. Она наклонилась к воде и застыла в удивлении, увидев прелестную девушку. Сердце девушки возликовало, она стала реже вспоминать Акбулата. Вскоре Амина забыла Юношу и стала с нетерпением ждать возвращения богатыря Таганая, чтобы взобраться на его плечи и осветить ночной мир своей красотой и лучезарным блеском. «Разве я не прекраснее Луны? Только я одна достойна быть женой Великого Победителя Гор!... – внушала она себе, и при этом Амина весело хохотала, воображая, как оттолкнет от себя безусого Акбулата.

Но сердце девушки, возмущенное изменой, вдруг сильно забилось, больно затрепетало, выскользнуло из груди и растворилось в озере. Амина застыла в немом изваянии, а потом превратилась в каменного истукана.

С горя молодой Акбулат ушел от товарищей и поднялся на высокую гору. Тоскуя по любимой девушке, он поседел и умер от печали. Юношу похоронили, соорудили на его могиле огромный каменный курган. С того времени эту гору стали называть Уван, то есть «гора с курганом», или просто «курганная гора». Сильно был омрачен гибелью девушки и богатырь Таганай. Он навсегда покинул племя, ушел далеко в горы и остался там навечно, застыв в виде массивной каменной вершины. Но по-прежнему он держит на своих плечах ночное светило – Луну, ведь Таганай и значит – «подставка для Луны».

Проплыли тысячелетия. Камень, в который превратилась Амина, рассыпался, и теперь его осколки в виде отдельных острых ребер торчат из земли на Каменном мысу возле старых одиноких лиственниц, в наши дни их именуют Каменной или Безымянной сопкой. Неизменным осталось лишь озеро. Только вода в нем с тех пор стала всегда холодной и кристально чистой. Как вечный укор лучезарной Амине за то, что она охладела к юному Акбулату, стали это озеро называть Юрак-куль. То есть озеро потерянного сердца или просто сердце-озеро, на дне которого, согласно древней легенде, покоится мятежное сердце красавицы Амины. А уж Зюраткулем оно стало позднее.

Зюраткуль

Андрей Яншин

Горы, овеянные легендами О ЗМЕЕ-ПОЛОЗЕ

В скорости как наша земля отвердела, как суша от морей отделилась, зверями всякими, птицами населилась, из глубин земли, из степей прикаспийских золотой Змей-полоз выполз. С хрустальной чешуей, с самоцветным отливом, огненным нутром, рудяным костяком, медным прожильем...

Задумал собою землю опоясать. Задумал и пополз от каспийских полуденных степей до полуночных холодных морей.

Больше тысячи верст полз как по струне, а потом вилять начал. Осенью, видно, дело-то было. Круглая ночь застала его. Ни зги! Как в погребе. Заря даже не занимается. Завилял полоз. От Усы-реки к Оби свернул и на Ямал было двинулся. Холодно! Он ведь как-никак из жарких, преисподних мест вышел. Влево пошел. И прошел сколько-то сотен верст, да увидел варяжские кряжи. Не приглянулись они, видно, полозу. И удумал он через льды холодных морей напрямки махнуть.

Махнуть-то махнул, только каким ни будь толстым лед, а разве такую махину выдержит? Не выдержал. Треснул. Осел. Тогда Змей дном моря пошел. Ему что при неохватной-то толщине! Брюхом по морскому дну ползет, а хребет поверх моря высится. Такой не утонет. Только холодно. Как ни горяча огневая кровь у Змея-полоза, как ни кипит все вокруг, а море все-таки не лохань с водой. Не нагреешь.

Остывать начал полоз. С головы. Ну а коли голову застудил — и тулову конец. Коченеть стал, а вскорости и вовсе окаменел.

Огневая кровь в нем нефтью стала. Мясо — рудами. Ребра — камнем. Позвонки, хребты стали скалами. Чешуя — самоцветами. А все прочее — всем, что только есть в земной глубине. От солей до алмазов. От серого гранита до узорчатых яшм и мраморов.

Годы прошли, века минули. Порос окаменевший великан буйным ельником, сосновым раздольем, кедровым весельем, лиственничной красой.

И никому не придет теперь в голову, что горы когда-то живым Змеем-полозом были.

А годы шли да шли. Люди осели на склонах гор. Каменным Поясом назвали полоза. Опоясал все-таки он как-никак нашу землю, хоть и не всю. А потому ему форменное имя дали, звонкое — Урал.

Откуда это слово взялось, сказать не могу. Только так его теперь все называют. Хоть и короткое слово, а много в себя вобрало, как Русь...

Серафима Власова

СУЛЕЯ

В Саткинском районе есть хребет Сулея, отдельная гора Сулея, железнодорожная станция с таким же именем. Как и о многих примечательных горах, о Сулее сложены легенды. Они записаны со слов сулеинского татарина по прозвищу Валет. Пас в горах табуны лошадей старый пастух-башкир. Помогала ему в работе его единственная красавица-дочь. Полюбила она стройного, пригожего, как молодой серебряный месяц, юного джигита-табунщика, такого же бедняка, как она сама. Собиралась девушка выйти за него замуж, но отец и слушать не хотел об этом. А свататься приехал знатный пожилой бай — сытый, чванливый, круглый, как чугунный казан (котел). Богатый привез калым.

Обрадовался старый пастух — привалило, наконец, ему счастье, удостоился великой чести быть в родстве с баями. На радостях велел он дочери принести большой глиняный кувшин с кумысом и угостить новоявленного родственника. Узнала девушка про свою беду и уронила от страха кувшин. Разбился хрупкий сосуд, расплескался кумыс по земле. Там, где он окропил землю своей пеной, появились непросыхаемые болота и мочажины. Горько и долго плакала девушка. В тех местах, где градом пролились ее невинные слезы, сквозь твердые камни пробивались бесчисленные горные ключи и тонкими живыми нитями устремились в речные долины. Но отец был непреклонен, и девушка тихо, беззвучно умерла, растворилась в прозрачных ключевых водах.

Осознав несчастье, старик долго переживал свою утрату и навсегда покинул эти проклятые аллахом горы, леса и долины. И установились на прежнем стойбище необыкновенный покой, тишина и безмолвие. Люди долго обходили стороной те глухие болота, не хотели там селиться и называли ту местность Силиею, то есть «тихой долиной». А уж позднее название перешло в Сулею — «мокрое место». В Сулее и вправду множество ключей, ручьев, а окрестности сырые, богатые. Значит, щедрым был кувшин несчастной красавицы, горьки, чисты и обильны были ее слезы.

Этот же пастух по прозвищу Валет пересказал легенду в другом варианте.

Жил в горах и пас табуны лошадей старый пастух-башкир. Помогала ему в работе его единственная красавица-дочь по имени Нурия. Полюбила она стройного, пригожего, как молодой серебряный месяц, юного табунщика Салима из соседнего стойбища, такого же бедняка, как она сама. Собиралась Нурия выйти замуж за Салима, но отец и слушать не захотел об этом. Задумал он найти богатого жениха. И такой вскоре явился. Прослышав о необыкновенной красоте юной Нурии, приехал свататься знатный пожилой бай — черный и корявый, как навозный жук, толстый и круглый, как лесной паук. Богатый привез калым.

Обрадовался старый пастух — привалило, наконец, ему счастье, удостоился великой чести быть в родстве с баями. На радостях велел он дочери подать большой глиняный кувшин с кумысом и угостить почтенного бая.

От свалившегося на нее горя Нурия чуть не упала в обморок. Выплеснула она на землю кумыс, а кувшин запрятала глубоко в камни, сказав, что он упал и разбился. Сильно возмутился отец и прогнал свою непослушную дочь на все четыре стороны. Залилась Нурия горячими слезами и ушла невесть куда в леса и горы, где умерла в одиночестве и печали. Там, где пролила она свои невинные девичьи слезы, сквозь твердые камни пробивались бесчисленные прозрачные горные ключи и тонкими живыми нитями устремились в речные долины. А там, где кумыс промочил землю, появились непросыхаемые болота и мочажины. Гору же, в которой среди камней лежит спрятанный Нурией кувшин, с тех пор стали называть Сулеей. Ведь «сулея» — всего лишь глиняный кувшин, очень распространенный сосуд с узким горлышком, в котором правоверные мусульмане всегда хранили воду, молоко, кумыс, вино. Вот и выходит, что Сулея — всего лишь «кувшин».

В далекие времена это было... Раскалило Солнце землю, дождевые тучи к себе забрало. Выгорела степь, пересохли реки и озера. Собрались старики-аксакалы на совет. — Без воды гибнет степь, без степи гибнут отары овец и табуны коней. А Солнце высоко, на облачке сидит, наших слов не слышит, нашего горя не видит. Вышел вперед егет-молодец:

— Простите за смелость, почтенные, но позвольте и мне, молодому, слово сказать. Много раз я в степи арканом ловил необъезженных кобылиц. Пусть сплетут мне из хвостов жеребят длинный аркан, поймаю я ту тучку, на которой Солнце сидит, все наши обиды выскажу.

Заарканил молодой егет тучку, что есть сил к себе тянет. Низко уже спустилась тучка, и видно: словно на пуховой перине спит-храпит на облачке Солнце. Видно, хороший сон видит — улыбается. Большой золотой самовар рядом стоит, остыл совсем. На подносе расписном золотая чашка-пиала стоит, полным-полнехонька. Кричал, кричал егет — не слышит Солнце, похрапывает во сне. Дернул егет аркан — закачалось облачко, упала с подноса золотая чаша. Дернул егет еще раз — упал на бок самовар, полилась вода на землю. Зазеленела степь. Ковыль седые волосы распустил, трава типчак в рост пошла. Даже перекасти-поле ожило. В третий раз дернул арканом молодой егет — утянул тучку со спящим Солнцем за вершину большой Зуртау-горы, привязал веревкой крепко-накрепко. С тех пор, говорят, Солнце всегда за вершину Зуртау-горы на ночь прячется, на пуховом облачке до утра отдыхает. С тех пор, говорят, солнечную чашу-пиалу, что на землю упала, озером Касарги называют, круглое-де, как чаша.

